

Очерки горной Бухары.

По рѣкѣ Варзобъ-Дарѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Глава IV.

Талисманы.—Преданіе о Тамерланѣ.

— Видно, тюра, ѣдетъ здоровымъ и вся его дорога была благополучна. Хвала Аллаху! Хорошій у тюры тумаръ отъ дурного глаза.

— А развѣ безъ тумара нельзя ѣздить?

— Нѣтъ, тюра, не слѣдуетъ. Тумаръ вѣдь и носится чаще людьми въ путешествіяхъ и на охотахъ. Ты самъ знаешь, что въ немъ защита молитва, написанная какимъ либо святымъ ишаномъ, въ которой онъ проситъ благословенія Аллаха носящему, а иногда и выздоровленія, если больной человекъ его носить.

Здѣсь это необходимо, и видишь ли у всѣхъ нашихъ мужчинъ и женщинъ есть тумары. Ихъ мы украшаемъ бусами и другими украшениями и носимъ на шнуркахъ, надѣтыхъ на шеѣ, или же привязываютъ также ихъ къ больному мѣсту, а кто хочетъ, тотъ надѣваетъ ихъ нѣсколько штукъ. Только жаль, что они дорого стоятъ, много надо денегъ дать ишану за каждый.

А тумаръ нуженъ въ нашихъ горахъ. Онъ спасетъ и отъ аджахи и отъ тѣни иблеса.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1913, № 12.

— Почему же тѣнь иблиса страшна и какимъ образомъ она можетъ повредить человѣку?

Старикъ, какъ будто чего то опасаясь, заговорилъ гораздо тише.

— Видишь ли, тюра, наши люди часто въ горахъ, пася барановъ и козъ или же во время работъ, отдыхаютъ. Въ глубокихъ горныхъ пещерахъ много живетъ и добрыхъ джиновъ и злыхъ, а еще больше волшебниковъ страшной силы. Спать такой человѣкъ—подойдетъ къ нему иблисъ, чтобы заглянуть въ лицо спящаго, упадетъ его темная тѣнь на человѣка и сейчасъ же свѣтлыя мысли, испугавшись, убѣгаютъ прочь, а спящій просыпается съ затемненнымъ разсудкомъ.

Но хорошо, когда изъ любопытства приблизится добрый джинъ. Его тѣнь не опасна, она приноситъ счастье и просвѣтленіе. Человѣкъ, на котораго она легла, видитъ все будущее и ничего для него не сокрыто. Онъ тогда получаетъ чудный даръ прорицанія.

Вотъ Ша въ молодости видѣлъ иблиса, указалъ онъ на старика, внимательно прислушивавшагося къ разговору.

— Неужели отецъ видѣлъ нечистаго?

— Да, тюра, это вѣрно. Ихъ можно часто встрѣтить въ горахъ. Такъ какъ они всегда хотятъ сдѣлать людямъ какое нибудь зло и для этого даже принимаютъ видъ мальчика или женщины, чтобы соблазнить человѣка. Но только надо знать, тюра, что иблиса можно отличить отъ человѣка, такъ какъ у него ноги въ ступняхъ всегда повернуты назадъ, а пятками онъ ходитъ впередъ. А если сказать, когда его увидишь, заклятіе—то онъ сейчасъ же исчезнетъ.

Есть у насъ такіе старые люди, которые могутъ дать заклинаніе и вылечить отъ болѣзни. Самое же лучшее лекарство — это огонь. Онъ все очищаетъ.

Если провести больного три раза вокругъ огня, зажженнаго съ молитвою Аллаху, то больной выздоравливаетъ.

Мы въ горахъ чтимъ огонь, такъ какъ въ немъ скрыта большая сила.

Весною, когда настаетъ день шамбе-суни мы вездѣ ночью около кишлаковъ въ лѣсахъ разводимъ костры, ходимъ около нихъ, смотря на огонь, а для того, чтобы очиститься совершенно, прыгаемъ черезъ огонь, и при этомъ старики повторяютъ хвалу Милосердному, а молодежь поетъ пѣсни и съ чистыми сердцами и тѣлами веселится во славу Всемогущаго. Это день большой радости въ нашихъ горахъ...

Вся долина рѣки Зигди и ея притоковъ густо заселена, и кишлаки на ней расположены въ недалекомъ другъ отъ друга раз-

стоянии, а весь этот районъ нельзя не признать богатымъ краемъ.

Переѣхавъ быстрюю рѣку Шуръ-Дора, весело журчащую по камнямъ, я почти сейчасъ же за поворотомъ увидѣлъ большой кишлакъ Намазга, имѣющій до 50 сакль и насчитывающій до 400 душъ населенія.

Сзади видѣлась огромная снѣговая гора Акъ-Рудъ, дающая начало рѣкѣ того же имени. Съ высокаго уступа можно было видѣть, какъ во всѣ стороны разстилалась горная страна съ снѣжными горами, глубокими и дикими ущельями и мягкими долинами среди горъ, со склонами, зеленѣвшими травяной растительностью и покрытыми обработанными полями.

Лошадей почти не встрѣчается въ этихъ горныхъ долинахъ; ихъ замѣняютъ небольшіе, но сильные ишаки сѣрой и черной масти, могущіе перевозить на своихъ спинахъ значительныя тяжести, пудовъ до 7 вѣсомъ.

Въ кишлакъ Намазга къ нашему каравану пристроился какой-то киргизъ, ѣхавшій на небольшой горной лошади.

— Откуда и куда тамыръ путь держить? спросилъ я его, когда мы выѣхали на дорогу, распроставшись съ Зигдинскими, Намазгинскими таджиками.

— Я, тюра, изъ Кафернигана, гдѣ служу у амлякдара, а теперь ѣду по дѣламъ на русскую сторону, гдѣ около Пянджекента живутъ люди нашего рода. Я видѣлъ, когда тюра былъ въ Дюшамбе, но только выѣхалъ гораздо позднѣе.

Теперь черезъ перевалъ Каратегеминъ спущусь къ Маргифу, а оттуда пройду къ кишлаку Варзиминору, что лежитъ на берегахъ быстрого Заравшана, несущаго свои воды къ Пянджегенту. Уже не разъ я ходилъ по этой трудной дорогѣ и знаю всѣ мѣста хорошо.

Старики рассказывали, что много лѣтъ тому назадъ, когда наши роды уходили изъ подъ Самарканда, они шли этою же дорогою, ища хорошихъ пастбищъ. Но горы эти каменисты и высоки. Наши кони къ нимъ непривычны и поэтому мы спускались ниже въ широкія долины и мягкія горы, гдѣ много травы и нѣтъ такихъ большихъ снѣговъ, какъ здѣсь зимою.

Мы ведемъ свой родъ отъ славнаго Орлока-Тимуръ-хана-Субутай-Богадура. Нашихъ людей любилъ великій эмиръ за ихъ храбрость въ бою, которую они выказывали всегда, идя впереди его войскъ. Но больше всего онъ сталъ ихъ отличать, когда однажды войска эмира Гуссейна окружили его во время одного

набѣга въ горахъ. Быстроногіе кони уносили уже Тимуръ-хана отъ его враговъ, которые остались далеко позади. Ему казалось, что опасность миновала, такъ какъ враги едва виднѣлись, почти скрываясь изъ глазъ, но радоваться видно всѣ стали не въ хорошее время, а судьба не сказала еще своего послѣдняго слова.

Скакалъ впереди Тимуръ, а сзади его вѣрные киргизы. Внезапно впереди протянулась темная расщелина. Будь у коня крылья, онъ бы легко перелетѣлъ черезъ нее, но Аллахъ ему ихъ не далъ и сѣлъ на свой хвостъ конь Тимуръ-хана на самомъ краю. Затуманились ясные глаза эмира, взглянулъ онъ на вѣрныхъ своихъ воиновъ. И поняли они его взглядъ. Ударили нагайками по своимъ скакунамъ и понеслись сотни ихъ, тысячи впередъ, падая въ расщелину и заполняя ее своими тѣлами и тѣлами лошадей.

Бросая послѣдній разъ взглядъ на своего повелителя, умирали киргизы для спасенія его... До верху наполнилась расщелина людьми и лошадьми и черезъ этотъ мостъ перешелъ конь Тимуръ-хана, попирая копытами тѣла вѣрныхъ слугъ, до смерти служившихъ вѣрно своему господину и своей смертью давшихъ ему много лѣтъ жизни.

Спасся эмиръ отъ бѣды и никогда послѣ не забывалъ онъ людей нашего рода. И много разсыпалъ милостей близкимъ къ погибшимъ.

Кишлакъ Намазга и Насруты имѣютъ довольно значительное населеніе, не отличаясь ничѣмъ отъ другихъ горныхъ кишлаковъ. Занимая мѣста на склонахъ горъ на большой высотѣ, они расположены были на той же рѣкѣ Зигди, протекавшей параллельно высокому горному хребту, не имѣющему у мѣстныхъ таджиковъ особаго названія. Лѣвая сторона рѣки была безлюдна, и лишь на лѣтовкахъ можно найти людей по этому берегу.

Постепенно горы начали принимать красноватый оттѣнокъ, благодаря огромнымъ залежамъ красной глины, являющейся въ этомъ районѣ строительнымъ матеріаломъ.

Поднявшись около кишлака Анхиръ на высоту около 8 т. футовъ, мои глаза открыли безконечную панораму горъ, протянувшихся во всѣ стороны до самаго края горизонта. Снѣжные хребты виднѣлись среди темныхъ скалистыхъ громадъ, поднимавшихся одна за другой и имѣвшихъ самыя прихотливыя очертанія.

Яркій свѣтъ солида, прорывавшійся черезъ тучи, придавалъ горамъ самыя разнообразныя оттѣнки отъ темно-синихъ до свѣтлосѣрыхъ, даже фіолетовыхъ. Но какъ только солнце скрывалось,

дальнія горы принимали однообразную мутно-сѣрую окраску, а ближнія казались темно-коричневыми съ красноватымъ оттѣнкомъ на самомъ близкомъ разстояніи.

Безпорядочно, какъ будто нагроможденные другъ на друга, сакли большого кишлака Хозаръ, самаго дальняго, лежащаго почти у самыхъ верховьевъ рѣки Зигди, рѣзко выдѣлялись своимъ краснымъ цвѣтомъ, вслѣдствіе обмазки стѣнъ красною глиною, что казалось особенно рѣзкимъ по сравненію съ бѣлизною виднѣвшагося вдали бѣлоснѣжнаго пика горы Гаузъ, изъ подъ которой беретъ начало небольшая рѣка Хазаръ, являющаяся притокомъ Зигди.

Постепенно тропа становилась труднѣе для движенія, и мы шли шагъ за шагомъ, то поднимаясь на хребты, то опускаясь почти къ самой водѣ рѣки, которая уже давно перестала быть мутной и приняла прозрачный зеленоватый цвѣтъ. Съ веселымъ журчаніемъ, звеня по камнямъ, неслась значительная еще рѣка, глубоко прорѣзавшая свое русло среди горныхъ пластовъ.

Таяніе снѣговъ въ горахъ къ вечеру прекращалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и количество воды, и замѣтно понижался уровень рѣки, которая мѣстами казалась мелкою, такъ какъ въ небольшихъ заливахъ вода стояла и было видно дно. Массы довольно значительныхъ рыбъ съ серебристою чешуею и темными пятнами на бокахъ лѣнливо сновали стайками, подходя къ самому берегу. По внѣшнимъ признакамъ, повидимому, это были, если не форели, то одна изъ разновидностей названной породы, любящей холодную температуру горныхъ рѣчекъ и ручьевъ съ каменистымъ галечнымъ дномъ.

Спустившись къ самой водѣ, чтобы напоить лошадей, я замѣтилъ на берегу небольшой ключъ, въ которомъ вода поражала своей прозрачностью. На видъ эта вода напоминала кавказскій нарзанъ и была значительно насыщена углекислотою.

Попробовавъ воду, я невольно высказалъ одобреніе, на что самъ Измаиль-Ша, сопровождавшій меня отъ Зигди, тотчасъ же замѣтилъ:

— Хорошая вода, но только, тюра, за Кокъ-тепе есть еще лучше. То мѣсто называется Ходжи-Сангъ-Хокъ и тамъ около могилы святаго Ходжи, недалеко отъ самаго мазара, есть два ключа, изъ которыхъ идетъ такая же вода. Люди ходятъ туда молиться и пить ту воду, получая исцѣленіе отъ многихъ болѣзней. Много еще выше надо подняться, чтобы дойти до мазара.

Глиняные пласты между тѣмъ окончились и начались известковые горы, среди которыхъ мѣстами встрѣчались небольшіе ку-

старники, имѣвшіе довольно чахлый видъ. Мѣстность принимала все болѣе и болѣе пустынный характеръ; лишь въ сторонѣ видѣлся послѣдній кишлакъ Кокъ-тепе, когда то служившій мѣстомъ старой крѣпости, слѣды которой еще видны до настоящаго времени.

Глава V.

Заключеніе.

Передо мною былъ уже конецъ всего путешествія и предстояло возвращаться назадъ по тѣмъ же самымъ извѣстнымъ мнѣ мѣстамъ, послѣ отдыха въ Кокъ-тепе, или же попытаться пройти въ лежавшую за горнымъ хребтомъ долину рѣки Сорбуха, главнаго притока Кафернигана, протекающаго верстахъ въ 20-ти восточнѣ Варзобъ-Дарьи и впадающаго въ нее невдалекѣ отъ города Кафернигана. Новое направленіе невольно побуждало избрать его, но въ то же время необходимость скорѣйшаго возвращенія обратно къ себѣ, въ кишлакъ Сарай, заставляла отложить это интересное новое путешествіе до другого раза.

Кокъ-тепе, то есть зеленый холмъ, зеленая крѣпость, какъ нельзя болѣе оправдывала свое названіе. Бархатная травяная растительность ея красиво выдѣлялась среди окружающей мѣстности. Высота болѣе десяти (почти одиннадцать) тысячъ футовъ дѣлала температуру сильно прохладной, а воздухъ особенно чистымъ и живительнымъ. Вокругъ открывался огромный горизонтъ съ горною панорамой во всѣ стороны. Снѣговья вершины чередовались съ темными хребтами, поднимаясь выше ихъ и образуя огромную ледниковую страну, съ которой вѣяло холодомъ. Мѣстами въ складкахъ мѣстности видѣлись скалистые ущелья, протянувшіяся во всѣ стороны, соединяясь съ рѣчными долинами.

— Есть ли какой звѣрь въ этихъ мѣстахъ? спросилъ я одного изъ таджиковъ, устраивавшихъ мнѣ мѣсто для ночлега въ темномъ сильно закопченномъ помѣщеніи.

— Да, тюра, очень много. Мы бьемъ здѣсь куницъ и много лисицъ, ставя капканы, а иногда и разбрасывая отраву. Звѣря этого достаточно по здѣшнимъ мѣстамъ, и наши мергени всегда имѣютъ порядочныя связки шкурокъ, но только порохъ и капканы очень дороги. Звѣрь хитрый, а денегъ много не получишь за шкурки. Ихъ покупаютъ люди амлякдара и закятчи изъ Дюшамбе и Варзоба. Ты, говорятъ, тюра, любишь старыя вещи и деньги? Не ку-

нишь ли у насъ нѣсколько серебряныхъ монеть, которыя недавно нашель мой сынъ, когда раскапываль одинъ изъ холмовъ недалеко отсюда?

Довольно грязный кожаный кошелекъ появился изъ за пазухи, и на кошму посыпались древнія мусульманскія тонкія помятыя монеты, среди которыхъ виднѣлось болѣе новой чеканки нѣсколько одинаковыхъ съ надписью: Сеидъ-Эмиръ-Хайдеръ, падишахъ Гози, то есть Эмиръ Хайдеръ, государь-воитель.

Этотъ эмиръ изъ фамиліи Мангитовъ сынъ Шахъ-Мурада, царствовавшего въ Бухарѣ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, изъ чего можно заключить, что постройка бывшей крѣпости, если и не была сдѣлана вновь, то во всякомъ случаѣ возстановленіе относится къ этому времени, но въ то же время монеты бактрійскія указывали на очень отдаленную эпоху. Внѣ сомнѣнія, что крѣпость закрывала въ свое время входъ въ долину рѣки Зигди со стороны рѣки Ягноба, откуда могли появляться отряды Ягнобскихъ, Фальгарскихъ и Кошетскихъ правителей, дѣлавшихъ набѣги до самаго Кафернигана и спускавшихся съ горъ въ богатая долины, лежащія по теченію Сурхана.

— Есть еще, тюра, здѣсь у людей разныя красивыя лалы ¹⁾, но ихъ купить нельзя, такъ какъ они очень дороги. Наши люди ихъ иногда находятъ въ горныхъ пещерахъ; а многіе ищуть, но не могутъ найти Кокъ-Ташъ — чудесный камень блѣдно-зеленаго цвѣта, который созданъ былъ Аллахомъ. Тотъ человекъ, кто его найдетъ, будетъ самымъ счастливымъ среди людей, такъ какъ когда смотрѣть на Кокъ-Ташъ, то можно увидѣть все на свѣтѣ и все сокрытое, тайное, невидимое становится видимымъ. Даже все, что находится подъ землею, то видишь, какъ будто бы лежало на поверхности: золото, лалы. Но Кокъ-Ташъ охраняютъ волшебники и джины, и не достигнетъ до него простой человекъ, если не знаетъ закліятія.

Повидимому въ этихъ изолированныхъ отъ внѣшняго вліянія мѣстахъ сохранились первобытныя вѣрованія всего таджикскаго племени, на которыя исламъ не оказалъ почти никакого дѣйствія, и поэтому населеніе усвоило себѣ его лишь внѣшнимъ образомъ, твердо изучивъ лишь обрядности и нѣкоторыя правила совершенія молитвъ.

Въ этомъ отношеніи магометанство, распространявшееся пришельцами арабами среди коренного населенія, исповѣдовавшего ре-

¹⁾ Лалы — рубины.

лигію веддъ, будизмъ, а частью бывшаго и идолопоклонниками, не могло уничтожить прежнихъ вѣрованій.

Фетишисты и огнепоклонники являлись наиболѣе многочисленной частью всего населенія Бухары до VII вѣка, и бухарскія летописи сохранили имя знаменитаго послѣдователя фетишизма, бухарскаго хакана-Моха, который въ особенности заботился о распространеніи фетишизма; какъ говоритъ преданіе, въ его царствованіе въ Бухарѣ бывали особые базары для продажи идоловъ, гдѣ сбывалось огромное количество ихъ подъ покровительствомъ самого хакана-Моха, лично присутствовавшаго при этой торговлѣ на базарѣ, когда бывали торжества религіознаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ ярмарка. Впослѣдствіи на мѣстѣ базара, какъ сообщаетъ Мухамедъ-Наршахи, былъ выстроенъ храмъ огнепоклонниковъ, превращенный позднѣе въ мечеть Моха.

Распространеніе ислама силою оружія понудило богатыхъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ дикхановъ, отстать отъ своихъ вѣрованій и уходить вмѣстѣ со своими людьми дальше отъ центровъ въ глухія, трудно доступныя, горныя ущелья; къ числу такихъ мѣстъ надо отнести и весь бассейнъ Варзобъ-Дарьи. Здѣсь въ сравнительно полной безопасности протекла жизнь длиннаго ряда поколѣній, и лишь изрѣдка ближайшіе независимые горные мелкіе владѣтели воевали между собою. Арабскія же войска, а позднѣе и бухарскіе эмиры и гиссарскіе миры никогда не рѣшались предпринимать походы въ глухія трудно доступныя ущелья, гдѣ, въ горахъ, жители степей, образовавшіе ихъ армію, не умѣли вести горной войны и терпѣли очень часто пораженія. Позднѣе горные владѣтели вошли въ сношенія съ мирами долинъ и признали надъ собою власть гиссарскихъ мировъ.

Постепенно населеніе горныхъ долинъ стало увеличиваться и въ настоящее время оно размѣстилось главнымъ образомъ по теченію Варзоба, Зигди и Майхура въ кишлакахъ: Будомаксъ—50 ч., Хошъ-Томаша—50, Гуль-Зари—30, Майхура—50, Хушъ-Ерѣ—1.000, въ Поторѣ—500, Пугусъ—300, Гажни—400; Бисгаерѣ—400; Варзобѣ—400; Дарай-Фонфарокъ—200; Нафтамонѣ—75, Бонковакъ—75; Рогы—150; Догон-Варзобѣ—150; Джимъ-Голякъ—120; Нифути-Намазга—300; Айхирѣ—75; Хазара—200; Пянджъ-Хакъ—60; Кокъ-тепе—50; достигая, приблизительно, во всемъ бассейнѣ Варзобъ-Дарьи и ея притоковъ до 10 тыс. человѣкъ.

Осмотрѣвъ минеральный источникъ Ходжи - Сангъ - Хокъ и мазаръ надъ могилою святого Ходжи, расположенный почти

на десяти тысячахъ футовъ, и полюбовавшись видами горныхъ панорамъ, по своему величію и красотѣ невольно производящихъ особое впечатлѣніе, я рѣшилъ воспользоваться случаемъ и принять горячую ванну въ источникахъ, состоявшихъ изъ двухъ огороженныхъ дувалами бассейновъ. Вода была высокой температуры, и купаніе произвело ободряющее дѣйствіе на весь организмъ.

Старый ишанъ, живущій съ родными около мазара, внимательно присматривавшійся ко мнѣ и очень охотно отвѣчавшій на мои вопросы о жизни таджиковъ, ничего не могъ мнѣ сообщить о святомъ, въ родствѣ съ которымъ онъ даже числился.

— Не знаю, тюра, простодушно говорилъ онъ. — Былъ это великій хозреть передъ Аллахомъ, при жизни своею молитвою исцѣлявшій больныхъ, къ нему приходившихъ; послѣ же его смерти, когда его похоронили, то вода источника, близъ котораго онъ жилъ, сдѣлалась сразу горячею и люди, купаясь въ ней, снова получаютъ, во славу Ходжи, исцѣленіе по его молитвамъ. Три раза надо искупаться, чтобы сдѣлаться здоровымъ. И много людей, приходя сюда страждущими, печальными, уходили съ новыми силами, веселыми и радостными.

Переваль Каратагеминъ принадлежитъ къ числу очень труднодоступныхъ съ плохо разработанными или—вѣрнѣе—мало протоптанными тропами, вслѣдствіе сравнительно незначительнаго движенія черезъ него въ долину рѣки Ягноба, гдѣ лежитъ ближайшій кишлакъ Маргифъ. Находясь на высотѣ 12 тыс. футовъ, высшая часть перевала покрыта всегда снѣгомъ и съ него открывается видъ на Заравшанскій хребетъ съ одной стороны, а съ другой поднимаются громады главнаго массива Гиссарскаго хребта.

Обратный путь по той же дорогѣ уже не представлялъ интереса. Мѣста были извѣстны, а встрѣчные таджики казались давно знакомыми друзьями, привѣтливо встрѣчавшими уруса, никому не сдѣлавшаго зла, ничего не отнявшаго и такъ мало поэтому похожаго на бухарскихъ чиновныхъ людей, алчныхъ, завистливыхъ и притѣсняющихъ таджиковъ.

— Скажи, тюра, отчего это такъ: ты большой человекъ, куда больше амлякдара, можетъ быть только немного меньше гиссарскаго мира, говоришь съ нами, какъ равный съ равными, ѣздишь безъ толпы голодныхъ нукеровъ, какъ ѣздитъ приставъ изъ Пянджекента? А нашъ миръ и амлякдаръ насъ за людей не считаютъ. У урусовъ таджикамъ хорошо жить—за что же Аллахъ нака-

зываетъ своихъ правовѣрныхъ и не даетъ имъ хорошей жизни? Только послушай, тюра, будешь въ Дюшамбе—не говори этого узбекамъ: они собаки и даже хуже собакъ—голодные злые волки. Узнають—мнѣ не хорошо будетъ.

Съ невольной грустью разставался я съ этими кроткими, хорошими людьми, своею изумительной честностью и нравственною жизнью могущими послужить образцомъ для европейцевъ.

— Не забудь, тюра, когда увидишь молодого дохтура, который былъ въ Анзобѣ, больше десяти лѣтъ тому назадъ и пріѣзжалъ къ намъ черезъ горы, давая лекарство нашимъ близкимъ, передай ему, что таджики изъ кишлака Зигди его вспоминають и молятъ Аллаха, чтобы Всемогущій послалъ ему долгую жизнь. Добрый онъ былъ дохтуръ.

Эта глубокая благодарность къ тѣмъ немногимъ русскимъ, пощадившимъ здѣшнія глухія мѣста и относившимся къ населенію, какъ къ людямъ, невольно трогаетъ и умиляетъ.

— Кто ты, невѣдомый мнѣ русскій врачъ, трудившійся въ кишлакѣ Анзобѣ во время чумной эпидеміи 1897 г.? Привѣтъ тебѣ отъ таджиковъ и русскій поклонъ до земли за ту чудную память, которую ты оставилъ среди населенія глухихъ ущелій, лежащихъ по Варзобу!

Будто прекрасная свѣтлая сказка, встають въ воспоминаніи таджиковъ тѣ немногіе русскіе путешественники, которые одновременно заглядывали въ этотъ глухой и далекій край. Литвиновъ, Борщевскій, Липскій, Данталь. Немного именъ, но всѣ они выполнили большую культурную задачу, ознакомивъ населеніе съ русскими и наглядно показавъ имъ разницу между представителями Великой Россіи и властями Бухары Благородной, высасывающими изъ населенія всѣ соки и относящимися къ нему, какъ къ животнымъ, не смѣющимъ даже претендовать на человѣческія отношенія.

Хмурые по виду, недовѣрчивые, вслѣдствіе вѣкового гнета—таджики, съ опасеніемъ смотрящіе на чиновное лицо, какъ дѣти, быстро превращаются въ общительныхъ и привѣтливыхъ людей, изъ всѣхъ силъ старающихся совершенно безкорыстно услужить и помочь чѣмъ возможно, облегчая трудное путешествіе.

Относящіеся безъ всякаго фанатизма къ христіанству, вѣрные въ своемъ словѣ, уважающіе чужую собственность, преклоняющіеся передъ законами и требованіями обычнаго права, оказывающіе удивительное послушаніе властямъ, трудолюбивые и крайне скромные въ своей жизни, таджики могутъ по справедливости быть

признаны племенемъ особенно желательнымъ въ качествѣ подданныхъ любого государства.

Покорность своей судьбѣ и вѣра въ ея предопредѣленіе, согласное съ волей Всемогущаго, у нихъ удивительны.

Ни произволь чиновниковъ, проявляющійся въ отобраніи имущества, женъ и дѣтей, ни заключеніе въ тюрьму, ни даже лишеніе жизни не могутъ поколебать этой вѣры, а привязанность къ роднымъ горамъ является характерной особенностью этого племени, неохотно уходящаго въ города и селенія долинъ.

— Нехорошо, очень плохо будетъ теперь съ нукеромъ Даудомъ, рассказывалъ мнѣ встревоженный и огорченный случившимся несчастіемъ его братъ арбобъ кишлака.— Ъхаль, везъ изъ Варзоба большую связку шкуръ; больше полтысячи ихъ было. Амлякдаръ къ эмиру въ Гиссаръ посылалъ. Случилось несчастье, поднялась вода въ Дарьѣ и унесла ишака съ вьюкомъ и всѣми шкурками. Теперь забьетъ его миръ до смерти, такъ же какъ забили въ прошломъ году одного изъ нашихъ людей.

— Чего же тогда ждетъ Даудъ—ушелъ бы за горы, на русскую сторону, и тамъ былъ бы въ безопасности, посоветовалъ я, видя его волненіе.

— Нѣтъ, тюра, этого дѣлать не слѣдуетъ. Ты вѣроятно не знаешь исторіи, какъ левъ спасалъ лисицу. Мнѣ ее рассказывалъ старый ишанъ изъ Ходжи-Сангъ-Хока.

Въ одной странѣ, населенной правовѣрными, началась страшная болѣзнь, вотъ та самая, что была много лѣтъ тому назадъ въ кишлакѣ Анзобѣ, когда тамъ всѣ люди умерли. Повелитель ея, Абдулла-бекъ-Марвана, испугался и рѣшилъ бѣжать въ другія страны, чтобы спастись отъ смерти. Въ темную ночь сѣлъ онъ на коня и въ сопровожденіи вѣрнаго раба направилъ свой путь на полдень. Но усталость закрывала ему очи, и онъ сталъ дремать, а лошадь шла, едва переступая ногу за ногу.

Желая отогнать дремоту, приказалъ онъ рабу разсѣять ее интересной исторіей, которую тотъ ему и рассказалъ.

Жилъ въ южныхъ пустыняхъ могучій левъ, царь всѣхъ звѣрей, который былъ всѣхъ сильнѣе и всѣ искали его покровительства. Хитрый лисъ, дрожавшій всегда за свою пушистую шкуру и боявшійся одинъ ходить на охоту, сталъ просить льва взять его къ себѣ на службу, надѣясь подъ защитою звѣринаго царя прожить всю жизнь спокойно. Исполнилъ его желаніе левъ, ибо онъ имѣлъ великодушное и доброе сердце, и далъ онъ слово защищать его отъ всѣхъ звѣрей. Приблизилъ онъ своего новаго слугу къ себѣ и сталъ

его брать всюду съ собою. Долго жилъ лисъ въ полномъ довольствѣ, но одинъ разъ, идя сзади льва, увидѣлъ онъ огромнаго орла, который парилъ въ воздухѣ и своими острыми глазами разыскивалъ себѣ добычу на землѣ. Испугался страшно лисъ и сталъ просить льва защитить его и не дать на разстерзаніе злой птицѣ.

Успокоилъ левъ лиса, но тотъ все же дрожалъ отъ страха. Тогда левъ, видя это, посадилъ себѣ лиса на широкую спину, а самъ сталъ смотрѣть вдаль, не обращая уже никакого вниманія. Орелъ же между тѣмъ, описывая круги въ воздухѣ, спускался все ниже и ниже. Перестало у лиса сердце биться отъ страха и едва слышнымъ голосомъ началъ онъ молить льва исполнить данное слово.

«О, покровитель слабыхъ и угнетенныхъ, окажи мнѣ защиту. Орелъ уже близко». Посмотрѣлъ левъ вверхъ, подумалъ и сказалъ:

«Хитрый лисъ, я могу оказать тебѣ помощь и защитить отъ всѣхъ звѣрей, ходящихъ по землѣ и даже отъ человѣка, но я безсиленъ противъ опасности, исходящей съ неба. Будь доволенъ исполненіемъ воли Аллаха и помни, что когда настанетъ для каждаго предопредѣленный часъ смерти — бѣжать отъ нея не имѣтъ смысла»...

Вернулся поэтому правитель въ свою страну, и потому же Даудъ не можетъ уйти за горы на русскую землю.

Уже проѣхавъ почти все ущелье, передъ самымъ выходомъ въ долину, я запоздалъ и въ наступившей темнотѣ шагъ за шагомъ двигался по тропѣ.

На склонѣ горы виднѣлись по всѣмъ направленіямъ огни костровъ. Полная тишина царствовала надъ ущельемъ.

Внезапно откуда то сверху послышался голосъ, начавшій пѣть какую то унылую пѣсню. Звонкій теноръ разносился по окрестностямъ, будто на что - то жалуясь и о чемъ - то прося... И въ этой пѣснѣ слышались вѣковыя невзгоды, пережитыя горцами, тяжелыя условія современной жизни и надежды на что то лучшее. Отдаваясь въ сѣверной части ущелья, звуки неслись къ Самаркандской сторонѣ, гдѣ за горнымъ хребтомъ растиались земли урусовъ, къ которымъ съ такою большою пріязнью относятся таджики.

Д. Логофетъ.

